

ПЕПЕЛ ВЕРНОСТИ

ДЕЙН КОУЛ

Дейн Коул

Пепел верности

«Автор»

2026

Коул Д.

Пепел верности / Д. Коул — «Автор», 2026

Каррем никогда не засыпает. Заводские трубы дымят круглые сутки, кристальные фонари горят холодным синим светом, а где-то в тени между угольными кварталами и портовыми доками действует «Пепел» — организация, которая жжёт, взрывает и исчезает, не оставляя следов. Лейтенант Кейн Моррис получает задание найти тех, кто за этим стоит. Рядом с ним — отряд, которому он доверяет больше, чем себе: дварф-оружейник Бром, зверочеловек-тактик Рийя, гном-алхимик Эла. И Даррон Эш — лучший друг с детства, полуэльф с янтарными глазами и улыбкой, которой невозможно не доверять. Чем глубже они копают, тем больше вопросов. Кто такой «Серый Архитектор»? Почему информация утекает после каждого совещания? И что делать, когда правда оказывается не там, где её искал — а там, где искать не хотел? «Пепел верности» — роман о цене лояльности, о людях, которых теряешь, и о том, что остаётся, когда всё сгорает.

© Коул Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дейн Коул
Пепел верности
ПЕПЕЛ ВЕРНОСТИ

Глава первая

Каррем не спит

Взрыв Кейн услышал за три квартала.

Не грохот — низкий, утробный удар, от которого воздух на миг стал плотным и тяжёлым, будто кто-то невидимый сдавил город в кулаке. Потом тишина на полсекунды — та особенная тишина, которая бывает только после настоящего взрыва, когда мир ещё не успел понять, что произошло. И следом — звон стекла, крики, протяжный вой парового клапана, сорванного с резьбы где-то впереди.

Кейн уже бежал.

Сапоги громыхали по брусчатке. Каррем в три часа ночи был почти пуст — именно что почти, потому что этот город по-настоящему не засыпал никогда. Заводской квартал работал круглые сутки: уголь горел непрерывно, смены шли одна за другой, и небо над трубами всегда было подсвечено оранжевым, будто там, за крышами, тлел огромный вечный костёр. Кейн вырос в этом свете. Для него он давно перестал быть красивым — просто был, как запах гари и сернистого дыма, от которого с непривычки першит в горле, а привыкнув, перестаёшь замечать.

Он завернул за угол — и остановился.

Завод стоял в конце улицы. Точнее, стоял он там раньше — теперь правого угла здания попросту не было. На его месте зияла дыра, из которой валил белый пар вперемешку с чёрным дымом, и красные угли разлетались в ночной воздух, как светляки в летний вечер, только светляки не прожигали дыры в деревянных ставнях напротив. Перекрытие второго этажа обрушилось внутрь — это было слышно по треску, который не прекращался: дерево горело жадно и быстро.

На улице уже собирались люди. Ночная смена вывалила наружу — рабочие в прожжённых кожаных фартуках, кто-то босой, кто-то без рубахи несмотря на осенний холод: когда бежишь из огня, о рубахе не думаешь. Дварф с роскошными прокопчёнными усами стоял у стены и прижимал к плечу кусок холстины — рукав робы под ней был мокрым от крови. Двое зверолодей-волков тащили кого-то из дверей, подхватив под руки; тот не сопротивлялся и не помогал, просто висел между ними тряпичной куклой. Гоблин лет двенадцати сидел прямо на брусчатке и смотрел в одну точку — туда, где только что было здание.

На столбах вдоль улицы светили кристальные фонари из лунного кварца — в темноте они горели холодным синим светом, и в этом свете лица людей казались бледными, почти призрачными.

Кейн потянул из-за пояса жетон — медный, с вытисненным гербом Королевской службы охраны — и на ходу зажал в кулаке. Не для того, чтобы показывать: в такой суматохе на жетоны никто не смотрит. Просто привычка. Жетон в руке означал, что он при исполнении и что у него есть причина лезть туда, куда нормальный человек не полезет.

— Кто-нибудь ещё остался внутри? — крикнул он в толпу.

Дварф с плечом обернулся первым:

— Трое. На третьем этаже. — Голос хриплый, будто тот глотал дым. — Лестница ещё держится, но пол там — я не знаю, сколько ещё простоит. Мы пытались добраться, но огонь снизу не давал.

— Понял. Займитесь своим плечом.

Кейн убрал жетон обратно и пошёл к дверям.

* * *

Внутри было горячо, темно и воняло горелым деревом и чем-то химическим — так пахнет смазочное масло, когда его жгут, резко и тошнотворно. Кейн прикрыл рот рукавом и пошёл по лестнице, нащупывая перила. Дерево под рукой было тёплым — нехороший знак: огонь уже добрался до стен, не только до пола.

Второй этаж встретил его густым дымом и провалом в полу — там, где ещё час назад стояли стеллажи с заготовками, теперь зияла дыра в потолок первого. Кейн прижался к стене и пошёл вдоль неё, нащупывая ногой твёрдое перед тем, как переносить вес. Если пол и уйдёт — то в центре, а у стены ещё есть шанс: стена держит конструкцию, пока цела.

Он сосредоточился — вполсилы, без лишних усилий — и почувствовал привычное тепло в солнечном сплетении, там, где у него жила магия. Кинетика второго разряда: лицензия позволяла применять в служебных целях без предупреждения. Он чуть подтолкнул воздух вокруг лица, создав слабый поток, — дым отнесло в сторону. Дешёвый трюк, который Бром называл «махать руками без рук», но он позволял видеть на пару метров дальше, и это сейчас имело значение.

На третьем этаже он нашёл их быстро — двое мужчин и женщина в дальнем углу, подальше от провала. Пожилой гном с обожжёнными ладонями лежал без сознания, привалившись к стене. Рядом с ним — совсем молодой парень, из тех, кого ещё не успела закоптить ночная смена, — держал гнома за плечи и смотрел на Кейна так, будто тот был спасательным кругом, брошенным с тонущего корабля.

— Живой? — Кейн кивнул на гнома.

— Дышит. Его ударило обломком, он упал и больше не вставал.

— Хорошо. — Кейн оглядел пол между ними и лестницей: по краям доски держались, в центре — там, где обугленная балка уже просела — лучше не проверять. — Вы двое идёте сами. Держитесь у правой стены, вот по этой линии, где я стою. В центр не ходите — там балка снизу подгорела и уже просела, это видно по прогибу досок. Идите медленно. Я несу его сюда.

— А если пол всё-таки... — начала женщина.

— Не начнёт, — сказал Кейн. — Идите.

Это была неправда — мог начать в любую секунду. Но правда сейчас не помогла бы им двигаться.

Они пошли. Кейн перекинул гнома через плечо — тот весил меньше, чем казалось — и двинулся следом вдоль правой стены, нащупывая каждый шаг ногой прежде, чем переносить на него вес двоих.

Второй этаж. Первый. Выход.

Снаружи их встретили криками. Кейн передал гнома в чужие руки, отошёл к стене напротив и привалился к ней спиной. Закрыв глаза.

В груди горело. Не от магии — просто дым, которого наглотался несмотря на поток. Он откашлялся. Сплюнул что-то чёрное. Открыл глаза.

Нужно осмотреть место. Написать рапорт до утра. Поспать три часа, если повезёт. Снова заступить.

Обычная ночь.

* * *

— Ты мог бы хоть раз дожидаться подкрепления, — сказал Даррон.

Он стоял у края толпы, прислонившись к фонарному столбу. Синеватый свет кристалла падал сверху и делал его платиновые волосы почти белыми. На нём была гражданская одежда — тёмный сюртук без знаков различия — но держался он так, как держатся только военные: прямо, чуть боком к толпе, с привычкой краем глаза видеть всё вокруг. В руке — кружка с чем-то горячим, откуда взял — Кейн даже не стал гадать.

— Там были люди, — сказал Кейн.

— Там всегда есть люди. Это не меняет того факта, что ты полез один в горящее здание ночью, Кейн. — Даррон протянул ему кружку. — Пей. Это не кофе, но горячее.

Кейн взял. Горячий сидр, немного пережжённый — из тех, что продают на ночных рынках за медяк, больше для тепла, чем для вкуса. Он выпил половину и почувствовал, как что-то в груди чуть отпускает, будто кто-то разжал кулак.

— Когда ты успел его раздобыть?

— Я был в квартале отсюда. Услышал взрыв, подумал: либо котёл, либо ты куда-то полез. Оказалось — и то и другое. Пока шёл, купил у лоточника. — Даррон забрал кружку обратно и допил остаток. — Котёл, значит?

— Не думаю. Нужно смотреть внутри, когда осядет.

— Но ты уже что-то заметил. Вот с таким лицом ты ходишь, когда заметил что-то и ещё не понял, что именно.

Кейн посмотрел на него. Даррон смотрел на здание — спокойно, внимательно, без спешки. Умел смотреть на неприятные вещи без лишних эмоций, как будто мир был задачей, которую нужно решить, а не трагедией, которую нужно пережить. Кейн ценил это в нём и иногда это его раздражало — но сейчас, после дыма и горящего пола, было именно то, что нужно.

— Котлы на этом заводе меняли в прошлом году, — сказал Кейн. — Я сам подписывал акт проверки три месяца назад. Всё было исправно.

— Котлы ломаются и после проверок.

— Ломаются. Но котельная — в левом крыле, вон там, видишь? — Кейн кивнул. — Она целая. Взрыв пошёл из правого угла, а там склад заготовок. В складе нечему взрываться с такой силой.

Даррон помолчал. Посмотрел на дыру в стене. Потом обратно на Кейна.

— Ты уверен?

— В том, что нужно смотреть — уверен. В остальном пока нет.

— Логично. — Даррон повернулся и улыбнулся — той конкретной улыбкой, которую Кейн знал с детства: немного усталой, немного тёплой, совершенно искренней. — Тогда давай дождёмся, пока оно осядет, и посмотрим вместе. Я никуда не тороплюсь.

— У тебя выходной. Иди домой, Даррон.

— Дома у меня холодно — домовладелец экономит на угле. И нечего есть, потому что я забыл купить что-нибудь вчера. Здесь по крайней мере интересно.

— Интересно. Завод горит, трое пострадавших, один без сознания.

— Завод — это декорации, — сказал Даррон. — Интересен ты. Ты всегда интересен, когда что-то не складывается.

Кейн не нашёл что ответить. С Дарроном это случалось регулярно.

* * *

Они ждали, пока пожарные заливали оставшееся пламя — медленно, методично, с той профессиональной невозмутимостью, которая бывает у людей, делающих одно и то же уже много лет. Каррем горел регулярно: заводской квартал особенно. Сухое дерево, уголь, перегретый пар — рецепт был простым и повторялся часто.

Кейн думал о котлах, о складе заготовок, о направлении взрывной волны. Голова работала сама по себе, пока тело стояло и ждало — это была давняя привычка.

Даррон стоял рядом и молчал. Он умел молчать по-настоящему — не нервно, не с ощущением, что надо что-то сказать, а просто был рядом, и этого хватало. Кейн знал его двенадцать лет и так и не научился объяснять, почему рядом с ним думается легче. Просто так было — и он давно перестал это объяснять.

— Ты сегодня ужинал? — спросил Даррон в какой-то момент.

— Не успел.

— Я так и думал. У тебя это лицо.

— Какое ещё лицо.

— То, которое бывает, когда ты голоден и раздражён на весь мир, но думаешь, что дело в мире, а не в том, что ты не ел с утра.

Кейн хотел возразить, но Даррон был прав, и они оба это знали.

— Завтра поедем нормально, — сказал Даррон. — Я знаю место у северного рынка. Там подают тушёную свинину с репой — звучит ужасно, согласен, но там дёшево, много, и хозяйка не разбавляет подливу водой, что в Карреме редкость.

— Ты меня кормишь как ребёнка.

— Я тебя кормлю как человека, который кормить себя сам не считает важным занятием. Это принципиально разные вещи.

— Ты сейчас говоришь как моя мать, — сказал Кейн. Получилось само, без намерения.

— Она так говорила. До того как... — Он не договорил. Просто не стал.

Даррон не нажимал. Помолчал секунду, потом сказал ровно, без интонации:

— Твоя мать была умной женщиной.

— Да, — согласился Кейн.

Больше об этом не говорили.

Пожарные заканчивали с правым крылом. Дым стал белее — огонь сбивали. Скоро можно будет войти.

Кейн снова посмотрел на здание. Думал: склад заготовок. Правый угол. Что могло гореть там настолько сильно? Он пока не знал что именно — только чувствовал это, как чувствуют тягу воздуха перед тем, как откроется дверь.

* * *

Внутри они вошли вдвоём, когда пожарный старшина — грузный мужчина с водянистыми глазами и усами, прокопчёнными до рыжины — нехотя кивнул:

— Десять минут. И за ваши головы я не отвечаю, если что-нибудь рухнет.

— Записано, — сказал Кейн и пошёл к дверям.

Даррон двинулся следом — молча, на шаг сзади и чуть левее. В опасных местах не идут рядом: если пол уйдёт, не оба сразу. Это тоже была привычка, выработанная годами, — они оба знали её, никогда не обговаривали.

Кейн светил масляным фонарём — тяжёлым, служебным. Жёлтый живой свет падал на закопчённые стены и обугленные балки, делая их ещё темнее.

Склад заготовок — правый угол первого этажа.

Кейн остановился у дальней стены и присел на корточки. Поднёс фонарь к полу и к нижней части уцелевших балок. Долго смотрел. Даррон присел рядом и тоже молчал — он умел не мешать, когда Кейн думал.

— Смотри на балки, — сказал Кейн наконец.

Даррон посмотрел.

— Нижняя часть — почти цела. Обуглена, но держится. А вот сверху — видишь? — До угля, глубоко. — Кейн провёл пальцем вдоль края. — При взрыве котла сначала вспыхивает горячий пар, он поднимается вверх и поджигает всё, до чего добирается сверху вниз. Но здесь не то. Это горело снизу, долго и с очень высокой температурой. Вот этот рисунок ожога — дерево так горит, когда под ним что-то тлеет часами, а не вспыхивает разом.

— Котёл даёт мгновенную вспышку, — сказал Даррон.

— Именно. Пар расширяется за долю секунды, разносит всё вокруг и гаснет. А здесь что-то горело долго — посмотри на глубину угля, это не одна вспышка. И вот это. — Кейн перевёл фонарь на пятно в центре пола, где доски выгорели в труху, а под ними виднелось что-то оплавленное, потёкшее в щели между камнями основания. — Металл. Расплавленный. Дерево так не плавит — ни котёл, ни ветошь. Здесь было что-то специальное, что горит долго и очень горячо.

— Зажигательная смесь, — сказал Даррон негромко. Не спрашивал — констатировал.

— Скорее всего. — Кейн выпрямился. — И котельная, заметь, цела. Потому что взрыв начался не там. Он начался здесь, на складе, где этому нечего было делать само по себе.

Даррон смотрел на оплавленный металл. Потом на балки. Потом на Кейна.

— Кто-то принёс это сюда намеренно.

— Да. И поджёт. Взрыв — это уже следствие: когда смесь добралась до запасов масла на стеллажах, рвануло. — Кейн помолчал. — Это не авария.

— Нет, — согласился Даррон. — Не авария.

Они помолчали. Где-то наверху скрипело — остатки перекрытий оседали медленно, как человек, который долго стоял и наконец решил сесть.

Кейн достал записную книжку и начал зарисовывать: расположение балок, рисунок ожогов, место оплавленного металла, положение уцелевшей котельной относительно эпицентра. Рука двигалась ровно. В приюте учили, что рапорты должны быть читаемыми всегда — в темноте, в усталости, после боя. Это правило Кейн принял без возражений.

— Десять минут истекли, — сказал Даррон.

— Одну секунду.

— Пожарный старшина будет недоволен.

— Справится. — Кейн закрыл книжку. — Всё, идём.

* * *

Снаружи воздух был холодным и пах сыростью — ночной туман начинал собираться над рекой, медленно, неторопливо. Толпа поредела: рабочих развели, зеваки разошлись. Остались пожарные, убирающие шланги, несколько незнакомых патрульных и гном с обожжёнными руками — тот сидел на ступенях соседнего здания и пил из фляги. Судя по тому, что фляга уже была почти пуста, в себя он пришёл давно.

— Ты подашь рапорт сегодня? — спросил Даррон.

— До шести утра. Начальство не любит узнавать о диверсиях из утренних газет.

— Диверсия. Ты уже решил, как это называть.

— А ты бы назвал иначе?

Даррон посмотрел на здание. Помолчал — по-настоящему, без спешки.

— Нет, — сказал он наконец. — Я сообщу своим сегодня же, не жди утра. Если это первый раз — хорошо. Если нет — нам нужно знать раньше.

— Ты думаешь, это не первый раз?

— Я думаю, что организованные люди с зажигательной смесью редко делают что-то один раз и останавливаются. — Он повернулся к Кейну. — Ты в порядке?

— Все живы. Гном выживет.

— Это я вижу. Я спрашивал про тебя.

— Я знаю, про кого ты спрашивал.

Пауза. Даррон смотрел на него без нажима и без тревоги — просто смотрел, как будто у него было всё время мира.

— Иди домой, Даррон, — сказал Кейн. — Выходной уже потрачен. Иди спи.

— Это по-прежнему не ответ.

— Знаю.

Даррон помолчал ещё секунду. Потом кивнул — тем коротким кивком, который означал: ладно, не буду спорить, но мы к этому вернёмся.

— Завтра. Тушёная свинина, северный рынок. Не забудь.

— Не забуду.

— Ты забудешь. Я зайду за тобой.

Он ушёл в переулок. Кейн смотрел ему вслед — платиновые волосы на миг поймали свет кристального фонаря, вспыхнули белым — и растворились в темноте между домами.

Кейн постоял. Потом достал записную книжку, встал под фонарём и написал вверху страницы:

«Завод Тёрнера, ул. Угольная, 14. 3:17 ночи».

Подумал.

Дописал: «Не несчастный случай».

Вокруг гудел Каррем. Заводы не останавливались ни на час. Небо над трубами тлело оранжевым. Где-то высоко плыл грузовой дирижабль — красный и белый навигационные огни, медленно, как звезда, которой некуда спешить. Пах уголь. Пахла сырость. Пах дым, который Кейн давно перестал замечать, потому что он был здесь всегда.

Он убрал книжку в карман и пошёл составлять рапорт.

Глава вторая

Старый долг

Рапорт он дописал в шесть утра ровно.

Не потому что торопился — просто привык заканчивать в срок. Поставил последнюю точку, промокнул чернила, сложил листы и убрал в папку с гербом службы. Потом долго сидел за столом и смотрел в окно.

Каррем снаружи просыпался. На улице уже гремели первые телеги — угольщики развозили топливо по домам до того, как основное движение забивало переулки. Кто-то кричал внизу, кто-то отвечал. Обычное утро.

Рапорт лежал перед ним. Шесть страниц. Схема помещения. Характер ожогов. Расплавленный металл, который не мог там оказаться сам. Вывод на последней странице, сформулированный коротко и без украшений: умышленный поджог с применением зажигательного состава, имитация производственной аварии.

Кейн перечитал последнюю страницу. Потом закрыл папку.

Спать оставалось три часа. Он лёг прямо в форме, не снимая сапог, и устался в потолок.

Даррон сказал: я найду за тобой. Это значило — в полдень, не раньше, потому что у него выходной и он не встаёт раньше полудня, если может этого избежать. Это значило тушёную свинину у северного рынка, дешёвое пиво и разговор ни о чём, который они умели вести часами, не замечая, как идёт время.

Кейн закрыл глаза.

Уснул почти сразу — как умеют засыпать только те, кто научился не думать о том, что не изменить прямо сейчас.

* * *

Даррон явился в полдвенадцатого.

— Ты сказал в полдень, — сказал Кейн, открывая дверь.

— Я сказал, что найду за тобой. Про полдень речи не было.

— Логика железная.

— Я знаю. — Даррон окинул его взглядом. — Ты спал в форме.

— Три часа. Некогда было раздеваться.

— Некогда или незачем?

Кейн не ответил. Взял со стола папку с рапортом, убрал в ящик, запер на ключ — привычка, выработанная ещё в первый год службы: рабочие документы не лежат на виду, даже дома. Накинул куртку.

— Идём.

На улице было по-осеннему резко — солнце светило, но без тепла, только слепило. Они пошли в сторону северного рынка, не торопясь, как ходят люди, которым некуда спешить и которые давно привыкли к темпу друг друга. Каррем в полуденный час гудел вовсю: телеги, торговцы, рабочие, вышедшие на обеденный перерыв, гномы с чертежами под мышкой, пара тифлингов в плащах — те старались держаться ближе к стенам, подальше от взглядов. Обычная картина.

— Твой рапорт уже у начальства? — спросил Даррон.

— С восьми утра.

— Реакция?

— Пока тишина. Это либо значит, что они думают, либо что им всё равно. Второе вероятнее.

— Невесело.

— Не особенно.

Даррон помолчал, пропустив вперёд женщину с корзиной, которая протиснулась между ними.

— Я говорил со своим командиром сегодня утром, — сказал он. — По вашему заводу. Оказывается, это третий случай за полгода. Два предыдущих — тоже «производственные аварии». Один склад в портовом квартале, один — в восточном. Никто не связал.

Кейн остановился.

— Почему я об этом не знал?

— Потому что каждый раз это было в разных кварталах, разные ведомства, разные рапорты. — Даррон пожал плечом. — Никто не смотрел на общую картину. Только на свой кусок.

Кейн смотрел на него секунду. Потом пошёл дальше.

— Значит, не первый раз.

— Не первый.

— И они всё равно не связали.

— Кейн. Люди видят то, что ожидают увидеть. Завод горит — котёл, несчастный случай, закрыть дело. Это проще.

— Проще — не значит правильно.

— Нет, — согласился Даррон спокойно. — Не значит.

Они дошли до рынка. Заведение, которое Даррон имел в виду, оказалось низким каменным домом с закопчёнными окнами и вывеской, на которой когда-то, видимо, было написано название, но буквы давно облезли. Внутри пахло едой и дымом, было тесно и громко.

Хозяйка — широкая женщина лет пятидесяти, с манерами человека, который видел всякое и уже ничему не удивляется — поставила перед ними два горшка с тушёным мясом и два куска хлеба, не спрашивая, что они хотят.

— Она всегда так? — спросил Кейн.

— Здесь один вариант меню. Это или это, — сказал Даррон. — Я хожу сюда три года, она ни разу не спросила.

— И ты продолжаешь ходить.

— Мясо хорошее. — Он взял ложку. — Ешь. Ты вчера не ужинал и сегодня не завтракал, я вижу по тебе.

Кейн взял ложку.

Мясо действительно было хорошим.

* * *

Они ели молча. Не неловко — просто молча, как едят люди, которым не нужно заполнять тишину. За соседним столом двое дварфов спорили о чём-то связанном с давлением в котлах, и Кейн поймал себя на том, что прислушивается против воли — после вчерашнего само слово «котёл» вызывало у него рефлекторное внимание.

— Помнишь Хромого Вейса? — спросил Даррон вдруг.

Кейн поднял взгляд.

— Конечно.

— Я вчера ночью шёл мимо приюта. Случайно — просто маршрут так лёг. Смотрел на окна. Думал: как это вообще было, что мы там жили.

— И как?

— Плохо, — сказал Даррон просто. — Но тогда казалось нормальным, потому что другого не было.

Кейн посмотрел на него. За двенадцать лет Даррон почти никогда не говорил о приюте сам — обычно это делал Кейн, когда что-то всплывало, а Даррон подхватывал или нет. Сегодня было иначе.

— Ты поэтому зашёл за мной раньше? — спросил Кейн.

— Может быть. — Даррон не улыбнулся, просто посмотрел в горшок с мясом. — Иногда хочется убедиться, что некоторые вещи точно позади.

Кейн не ответил. Не потому что не понял — наоборот.

* * *

Ему было тринадцать, когда отца не стало.

Не сразу, не в один день. Сначала был взрыв котла на заводе — тот самый рецепт, который Кейн узнает потом наизусть: перегретый пар, усталый металл, халтурное обслуживание. Отец выжил, но не вполне: что-то внутри сломалось, не срослось правильно. Он протянул ещё семь месяцев. Кейн помнил запах той комнаты — сырость, лекарства и ещё что-то, чему он тогда не знал названия, а потом узнал: так пахнет безнадёжность, когда живёт рядом с тобой достаточно долго.

Мать держалась до весны. Потом слегла сама — не от горя, просто тело решило, что хватит. Она умерла в мае, когда в окно был виден клочок неба с облаками, и Кейн запомнил это небо, потому что смотрел туда, пока не смог больше смотреть на неё.

В приют его привёл сосед — пожилой гном, который жил через стену и иногда давал ему хлеб, когда было совсем плохо. Гном довёл его до ворот, сказал что-то казённое дежурному, получил расписку и ушёл. Кейн смотрел ему вслед. Не со злостью — просто смотрел. Гном обернулся один раз, потом не обернулся больше.

Военный приют Каррема был не плохим местом и не хорошим. Он был просто местом — с правилами, режимом, едой два раза в день и воспитателями, которые делали своё дело без лишних чувств. Здесь было человек восемьдесят детей разного возраста и разного происхождения, и единственное, что их объединяло — то, что все они оказались здесь по одной и той же причине: некуда больше.

Даррона Кейн заметил на третий день.

Не потому что тот выделялся внешне — хотя платиновые волосы полуэльфа в толпе обычных детей бросались в глаза. Просто в столовой за обедом что-то произошло: двое старших мальчишек отодвинули тарелку одного из младших — совсем мелкого, лет восьми, который не успел среагировать. Тарелка перелетела через стол, каша оказалась на полу.

Кейн уже встал — он не терпел такого с первых лет жизни, это было что-то в нём изначальное, не выученное — но Даррон оказался быстрее. Он не полез в драку. Просто встал, подошёл к тем двоим и сказал что-то тихо, без повышения голоса. Кейн не расслышал — слова были тихими, почти вежливыми. Но те двое переглянулись, и что-то в их лицах изменилось. Они ушли. Тарелку с кашей никто не вернул, но больше они к этому мальчику не подходили — ни тогда, ни потом.

Кейн смотрел на Даррона. Тот вернулся на своё место и продолжил есть, как будто ничего не произошло.

— Что ты им сказал? — спросил Кейн вечером. Они оказались в одной спальне — восемь коек, казённые одеяла, окно, выходящее в глухую стену соседнего здания.

Даррон посмотрел на него. Янтарные глаза — Кейн тогда ещё не знал, что это цвет полуэльфийской крови, просто казалось, что глаза какие-то странные, не такие, как у всех.

— Сказал им, что знаю, где они прячут ворованное у дежурного Миса. — Даррон пожал плечом. — Я не знал, конечно. Но они решили, что знаю. Этого хватило.

Кейн подумал.

— А если бы они не испугались?

— Тогда пришлось бы придумать что-нибудь ещё.

— Или подраться.

— Драка — последнее дело, — сказал Даррон без осуждения, просто как факт. — Во-первых, их двое. Во-вторых, после драки тебя накажут вместе с ними, а значит, ты потратил силы и получил то же самое, что они. Это плохой обмен.

Кейн смотрел на него. Он сам дрался бы — не потому что не понимал этой логики, а потому что иначе не умел. Но в словах Даррона было что-то, что не давало просто отмахнуться.

— Ты здесь давно? — спросил он.

— Два года.

— И всегда так?

— Как — так?

— Думаешь, прежде чем делать.

Даррон помолчал. Потом сказал — без иронии, без улыбки, просто:

— Стараюсь. Не всегда получается.

Кейн лёг на койку и уставился в потолок. Потолок был серый и в трещинах — такой же, как в той комнате, где умерла мать, только там трещины шли иначе, он их знал наизусть.

Он не знал тогда, что они будут знакомы двенадцать лет. Что этот человек с янтарными глазами и спокойным голосом станет тем, кому он доверяет больше всего на свете.

Он просто лежал и смотрел в потолок.

За окном гудел Каррем. Заводы не останавливались ни ночью, ни днём. Небо над трубами тлело оранжевым — он видел его краем, через узкое стекло. Тот же свет, что над его кварталом. Тот же город.

Почему-то это было немного легче, чем ничего.

* * *

— Ты тогда сказал им про ворованное у Миса, — произнёс Кейн.

Даррон поднял взгляд от горшка.

— Что?

— Те двое в столовой. Ты сказал им, что знаешь, где они прячут краденое у дежурного.

Ты не знал.

— Не знал, — согласился Даррон. Помолчал. — Ты это помнишь?

— Я тогда удивился. И потом думал об этом иногда.

— О чём именно?

Кейн подобрал слова.

— О том, что ты их напугал правдой, которой не было. И это сработало.

— Они сами решили, что она есть, — сказал Даррон. — Я только дал им возможность так решить. Это разные вещи.

— Для них — не разные.

— Нет. Для них — нет.

Даррон снова взял ложку. Ел спокойно, без спешки. За окном рынок шумел своим обычным полуденным шумом — голоса, телеги, чей-то смех.

— Ты бы подрался, — сказал Даррон. Не спрашивал.

— Да.

— Я знал. Ты уже встал со скамейки.

— Ты был быстрее.

— Немного. — Даррон посмотрел на него. — Хорошо, что я был быстрее. Ты бы получил взыскание в первую же неделю.

— Зато было бы честно.

— Честно, — повторил Даррон, как будто пробовал слово на вкус. — Честно — это хорошо. Но иногда работает хуже, чем нужно.

Кейн мог бы поспорить. Он и поспорил бы — раньше, несколько лет назад. Сейчас просто посмотрел на него и промолчал. Не потому что согласился. Просто некоторые разговоры они вели уже достаточно раз, чтобы знать, где каждый из них остановится.

Хозяйка принесла пиво — не спрашивая, само собой.

Кейн взял кружку. Отпил. За окном над крышами виднелся краешек неба — серого, осеннего, без особых обещаний. Обычное небо над обычным городом.

— Даррон, — сказал он.

— М.

— Три случая за полгода. И никто не связал.

— Да.

— Значит, кто-то рассчитывал, что не свяжут.

Даррон поставил кружку на стол.

— Да, — сказал он снова. — Именно так.

Они посмотрели друг на друга. Потом Кейн допил пиво и поставил кружку рядом с его кружкой.

— Нам нужно больше информации.

— Нам нужно. — Даррон кивнул. — Я займусь своими каналами. Ты — своими.

— У меня нет каналов.

— Есть рапорт, который уже у начальства. И есть ты, который умеет смотреть на вещи и видеть то, что другие не видят. Это тоже канал, просто другого рода.

Кейн подумал.

— Свирина действительно хорошая, — сказал он.

— Я же говорил. — Даррон чуть улыбнулся — той самой улыбкой, усталой и тёплой. — Я сюда три года хожу. Я знаю, что говорю.

Они ещё немного посидели. Потом вышли на улицу, где Каррем всё так же гудел своим обычным шумом — заводы, телеги, голоса. Небо над трубами начинало темнеть к западу, хотя до вечера было ещё далеко.

Кейн шёл и думал о трёх пожарах. О том, кто рассчитывал, что их не свяжут. О том, что этот человек — или эти люди — знал, как работает система, как она смотрит на свои куски и не видит общей картины.

Это требовало либо удачи, либо знания. И удача три раза подряд — это уже не удача.

— Даррон.

— Слышу тебя.

— Они знали, как работает следствие.

Пауза. Даррон шёл рядом, глядя прямо.

— Да, — сказал он. — Я тоже об этом думаю.

Больше они не говорили об этом до самого расставания на перекрёстке у Угольного моста, где их дороги расходились. Даррон кивнул на прощание — коротко, по-военному — и пошёл своей стороной.

Кейн смотрел ему вслед ещё секунду. Потом повернулся и пошёл домой.

Завтра нужно было снова заступать.

Глава третья

Отряд

Приказ пришёл на четвёртый день.

Кейн прочёл его дважды — не потому что не понял с первого раза, просто привык пересчитывать приказы. Иногда между первым и вторым прочтением обнаруживалось то, что при беглом взгляде ускользало. Сейчас не ускользнуло ничего: приказ был коротким. Военный обоз с грузом для северного гарнизона выходит послезавтра на рассвете. Сопровождение — четыре человека плюс командир. Маршрут — через Серый перевал, три дня в одну сторону. Груз — снаряжение и медикаменты. Задание рутинное.

Последнее слово Кейн мысленно взял на заметку. После пожара на заводе Тёрнера слово «рутинное» начало вызывать у него лёгкое раздражение.

Он сложил лист, убрал в карман и пошёл на склад — туда, где должны были уже собраться остальные.

* * *

Бром стоял у телеги и проверял крепления — деловито, без спешки, как человек, который делает это не первую сотню раз и собирается делать ещё столько же.

— Эй, — сказал Кейн, подходя.

— Сам погляди, — Бром не обернулся, кивнул на верёвки. — Кто это вязал, я не знаю, но он либо первый день в порту, либо очень не хочет, чтобы груз доехал.

— Доброе утро тебе тоже.

— Доброе. — Бром наконец повернулся, и по его лицу пробежало что-то вроде улыбки, скрытой в бороде. — Спал хоть в этот раз нормально?

— Три часа. Не жалуюсь.

— Жаловался бы — я бы не поверил, — хмыкнул Бром. — Ты с детства такой. Тебе в приюте Мис говорил: ляг пораньше. Ты делал наоборот.

— Это было давно.

— Двенадцать лет. Для меня — вчера. — Бром снова повернулся к креплениям. — Помоги лучше, чем стоять и вспоминать.

Кейн взялся за свободный конец верёвки. Они с Бромом действительно знали друг друга не первый год — пересекались по службе ещё в те времена, когда Кейн только закончил приют и попал в гарнизонную охрану, а Бром уже был там сержантом, угрюмым и немногословным, к которому никто не рисковал подходить с глупостями дважды. Кейн рискнул один раз — и неожиданно для себя получил наставника, который учил его не словами, а тем, что просто показывал, как надо, и ждал, чтобы Кейн повторил.

Именно Бром когда-то показал ему этот трюк с воздухом — отгонять дым кинетикой, не тратя на это магии больше, чем нужно. «Махать руками без рук», как он сам это называл с усмешкой, которая никогда толком не была усмешкой.

Отряд, который собрался теперь — Кейн, Бром, Рийя, Эла — существовал без году неделя: командование свело их вместе пару месяцев назад, когда понадобилась небольшая мобильная группа для разъездных заданий. Но то, что Кейн и Бром оказались в одном отряде, было скорее удачей, чем случайностью — оба об этом, не сговариваясь, не упоминали при остальных. Просто работали так, будто знали друг друга всегда, потому что во многом так и было.

— Готово, — сказал Бром, затягивая последний узел. — Теперь не съедет даже на Сером перевале.

— Ты бывал там?

— Бывал. Не люблю вспоминать.

* * *

Рийя сидела на перевёрнутом ящике поодаль и точила нож — не потому что он был тупым, Кейн уже понял за эти два месяца, что она точит нож, когда думает. Уши у неё были чуть приподняты, ловя звуки со двора, хотя сама она выглядела полностью поглощённой лезвием.

— Доброе утро, — сказал Кейн.

— Возможно, — отозвалась она, не поднимая взгляда. — Три телеги, четверо нас плюс возницы. Если что-то случится на перевале, возниц в расчёт не бери — они не бойцы, только обуза.

— Бром уже переделывает крепления на средней.

— Я заметила. — Она наконец подняла взгляд — зелёные глаза с вертикальным зрачком, внимательные и слегка насмешливые одновременно. — Я бы сказала, что переделывать пришлось не просто так. Кто-то либо плохой работник, либо знал, что делает.

Кейн посмотрел на неё.

— Думаешь, специально?

— Я думаю, что совпадения случаются реже, чем людям хочется верить. — Она вернула взгляд к ножу. — Но это пока только мысль. Не факт.

За два месяца совместной работы Кейн так и не научился до конца её понимать — не потому что она была загадочной нарочно, а потому что она всегда, казалось, знала чуть больше, чем говорила вслух, и предпочитала молчать, пока не была уверена. Один раз он спросил её прямо, почему она так редко говорит первой. Она ответила: «Потому что слова, сказанные не вовремя, иногда хуже молчания». Больше он не спрашивал.

* * *

Эла появилась последней — запыхавшаяся, с сумкой через плечо, из которой торчали горлышки склянок, завёрнутых в холстину.

— Я не опоздала! — выпалила она, хотя никто и не думал её упрекать. — Я проверяла запасы. У нас не хватало противоядий, теперь хватает.

— Сколько не хватало? — спросил Бром, не отрываясь от телеги.

— На двоих при среднем отравлении. Теперь на четверых при сильном. — Она поставила сумку, переложила одну склянку иначе, как будто это было важно. — На севере другая флора. Есть растения, которых в городе вообще не встретишь, и если кто-то заденет, например, сок серого лопуха голой кожей...

— Эла, — мягко прервал Кейн.

— Да?

— Хорошо, что взяла.

Она замерла на секунду, будто проверяя, не шутит ли он, потом кивнула с явным облегчением:

— Я так и думала. Просто хотела, чтобы вы понимали, зачем.

— Поняли, — сказал Бром, не поднимая головы, но в его голосе слышалось что-то вроде тепла.

Она расцвела и тут же умчалась проверять остальное снаряжение — с видом человека, у которого список дел никогда не заканчивается.

* * *

Они выехали на рассвете.

Каррем в этот час был непривычно тихим — той особенной тишиной раннего утра, когда ночная смена уже разошлась, а дневная ещё не началась. Даже заводские трубы дымили как будто сдержаннее. Копыта лошадей и колёса телег звучали неожиданно громко на пустой брусчатке.

Кейн ехал верхом на казённой лошади — немолодой, некрасивой, зато спокойной, что он ценил больше резвости. Рийя ехала чуть впереди и смотрела по сторонам с тем вниманием, которое у неё, кажется, никогда не выключалось. Бром сидел на козлах первой телеги рядом с возницей — оба молчали, и обоим это устраивало. Эла устроилась на грузе второй телеги с блокнотом на коленях.

— Записываешь что-то важное? — спросил Кейн, поравнявшись.

— Состав воздуха меняется, когда выезжаешь из города. Я хочу понять, насколько быстро. — Она черкнула что-то и подняла на него взгляд. — Ты спрашиваешь из вежливости или потому что правда интересно?

— Честно? Из вежливости. Но теперь стало интересно.

Она улыбнулась — впервые за утро по-настоящему, без рабочей деловитости — и снова уткнулась в блокнот.

Рийя, не оборачиваясь, бросила:

— Дорога прямая до предгорья. Можешь расслабиться, Кейн, отвлекать тебя не на что.

— Ты что, слышишь вообще всё?

— Почти, — сказала она. — Тебя это пугает или восхищает?

— Пока не решил.

— Решишь — скажи. Мне любопытно.

* * *

К полудню город скрылся за холмами, дорога пошла через поля — пустые, осенние, с редкими стогами и далёкими силуэтами деревьев. Воздух стал чище, прохладнее, пах землёй и палой листвой вместо угля.

Остановились на обед у придорожного колодца. Бром, осмотрев колёса всех трёх телег, нашёл трещину в спице задней — починил молча, из запасных.

— Хорошо, что взял с собой запасные, — сказал Кейн.

— Беру всегда. Спрашивай, когда не буду брать — это будет значить, что я состарился окончательно. — Он сел на камень у колодца. — Ты на Сером перевале бывал?

— Два года назад. Другое задание.

— Тогда знаешь, что на спуске творится с колёсами.

— Помню. Камни острые.

— Острые — не то слово. Я там видел, как телегу разнесло в щепки. Двое возниц погибли. — Бром сказал это без интонации, как простой факт. — Поэтому на спуске — медленно. Даже если очень хочется поторопиться.

— Договорились.

Рийя сидела чуть в стороне, спиной к остальным, глядя на дорогу позади.

— Что-то не так? — спросил Кейн.

— Пока не уверена. — Она помолчала. — За нами идёт пыль от копыт. Где-то в полутора верстах. Слишком долго для случайного попутчика.

— Может, едет в ту же сторону.

— Может. Но со скоростью, как у нас, и остановился, когда остановились мы. — Она наконец повернулась. — Я наблюдаю с третьего часа после выезда.

— Три часа молчала?

— Один всадник — не угроза, просто попутчик. Три часа той же скорости — уже похоже на слежку. Я не говорю всё, что вижу, Кейн. Я говорю, когда вижу достаточно.

Он хотел было возразить, но передумал.

— После обеда проверим.

— Я и без обеда готова, — сказала она. — Просто хотела доесть.

* * *

Подтверждение пришло через час.

Рийя дала знак — коротко подняла руку, чуть отвела пальцы. Не тревога, просто внимание. Кейн увидел. Бром увидел. Даже Эла заметила и без напоминания убрала блокнот.

Из-за лесополосы справа вышли пятеро всадников — не из-за спины, сбоку, значит, знали маршрут и срезали угол заранее. Лошади без меток, лица закрыты подтянутыми шарфами — на холодную осень почти невинно. Почти.

— Стоять, — сказал передний. Голос ровный, без театральности — тон человека, который делает это не впервые.

Возницы остановили лошадей. Один потянулся под сиденье. Кейн коротко бросил: «Не стоит» — и тот убрал руку.

— Военный обоз, — сказал Кейн. — Снаряжение для гарнизона. Документы при нас.

— Документы нам не нужны.

— Тогда не грабёж.

Заминка — короткая, но Кейн её заметил.

— Отдайте груз, и мы разойдёмся.

— Нет, — сказал Кейн просто.

Он не смотрел прямо на пятерых — смотрел на промежутки между ними, на их руки. Краем глаза заметил: Рийя сместилась влево, открывая угол атаки. Бром тихо слез с козел и встал у борта первой телеги. Эла исчезла за второй — он не видел её, но не слышал и движения: значит, ждала.

— Последний раз спрашиваю по-хорошему.

— Ответ не изменится.

Первый всадник тронул лошадь вперёд. Кейн почувствовал тепло в груди — магия отзывалась быстрее, когда тело уже знало, что дальше будет драка — и толкнул воздухом не человека, а лошадь под ним. Та всхрапнула, всадник на миг потерял равновесие.

Этого мига хватило.

Рийя уже была у второго — двигалась с той точностью, которая бывает только у её расы, без единого лишнего шага. Третий всадник развернулся к ней и не успел: Бром взял его за ногу и стащил с седла так буднично, словно снимал мешок с крюка.

Кейн занялся первым — тот успел выровняться и тянул саблю. Кейн нырнул под удар, ушёл от клинка и ударил локтем под колено. Всадник согнулся. Вторым удар — рукоятью в висок, не насмерть. Тот сполз с седла.

Четвёртый и пятый развернули коней и ушли. Кейн проводил их взглядом — недолго, догонять было бессмысленно: пешком с конными не тягаться.

— Все целы? — спросил он, переводя дыхание.

— Да, — отозвалась Рийя, глядя на лежащего у её ног — тот смотрел в небо с видом человека, переоценившего свои силы.

— Тоже да, — буркнул Бром.

— У меня царапина, — крикнула Эла из-за телеги. — Не считается.

— Покажи, — сказал Кейн.

— Серьёзно, это пустяк.

— Эла.

Она вышла, показала ладонь — порез неглубокий, уже аккуратно перевязанный.

— Я же говорила. Пустяк. И уже перевязала, пока вы разговаривали с тем, кто стоял.

Бром глянул на неё одобрительно, не сказав ни слова — это у него получалось говорить лучше, чем словами.

* * *

Троих взяли живыми. Двое ушли.

Кейн связал пленных сам — крепко, но не передавил. Присел перед тем, кто говорил.

— Кто послал?

Тот смотрел прямо перед собой и молчал.

— Груз вам был не нужен, ты сам сказал. Значит, вам нужно было что-то другое. Что именно?

Тишина.

— Задержать нас? Напугать? Что?

Ничего.

Кейн встал, не теряя времени даром.

— Рийя.

— Слушаю.

— Ты сказала: он шёл за нами с третьего часа. Значит, либо знал маршрут заранее, либо подобрался следом, когда мы прошли мимо.

— Тогда он должен был знать заранее, какой дорогой мы поедем и примерно когда. — Она смотрела на связанного. — Случайностью это не назовёшь.

Бром кашлянул.

— Крепления на средней телеге. Те, что я переделывал.

Все обернулись к нему.

— Если бы я их не тронул, — сказал он медленно, как человек, который не торопится с выводами, но и не откладывает их, — груз бы съехал на первом серпантине перевала. Телега встала бы поперёк дороги. Мы бы вышли разбираться.

— И вот тогда было бы удобно напасть, — закончила Рийя.

Тишина. Возницы стояли поодаль, старательно не вслушиваясь — слишком уж старательно.

— Значит, тот, кто вязал крепления, знал о нападении заранее, — сказал Кейн.

— Или сам всё устроил, — добавила Рийя.

Кейн посмотрел на возниц. Все трое — с казёнными бумагами. Бумаги можно подделать.

— Бром.

— Уже иду, — сказал тот и направился к вознице первой телеги — тому самому, что тянулся под сиденье.

Под сиденьем нашёлся небольшой кожаный мешок: нож, огниво, монеты — и сложенный вчетверо клочок бумаги.

Бром принёс его Кейну. Тот развернул.

Время, место — «Серый перевал, третья верста» — и одно слово внизу: «Задержать».

Не «огрابتь». Не «уничтожить».

Задержать.

Кейн сложил записку и убрал в карман.

— Грузим пленных на третью телегу. Возницу — туда же, под присмотром. Едем дальше. На перевале — медленно.

— А с бумагой что? — спросила Эла.

— В рапорт. — Кейн посмотрел на дорогу впереди, серую и пустую. — Кто-то знает наши планы раньше, чем нужно. Это уже не первый раз за последние недели.

Рийя посмотрела на него — внимательно, с тем выражением, когда она уже сложила что-то в голове, но ещё не решила, говорить вслух или нет.

— Едем, — сказал Кейн.

Они тронулись дальше. Серый перевал был ещё далеко — день пути, не меньше. Дорога шла через поля, потом через редкий лес, потом начинался подъём. Небо оставалось серым и низким. Лошади шли ровно.

Кейн думал о слове на бумаге.

Задержать — не убить, не ограбить. Значит, груз был ни при чём. Значит, кому-то было важно само время, или то, чтобы обоз не дошёл вовремя. Зачем?

Он не знал. Пока не знал.

— Кейн, — окликнул Бром с козел.

— Да.

— На следующей остановке проверю все телеги ещё раз. Снизу тоже.

— Хорошо.

— На всякий случай.

— Понял тебя.

Бром кивнул и снова замолчал. Этого было достаточно — для обоих.

Глава четвёртая

Первая кровь

До северного гарнизона добирались три дня. На второй случилось то, чего Кейн в общем-то ждал.

Лагерь разбили рано — солнце ещё не село, когда Бром объявил привал у ручья: лошадям нужна была вода, людям отдых. Пленных усадили у телеги, связанных, под присмотром одного из возниц, пока остальные занимались костром и ужином.

Кейн как раз набирал воду, когда услышал шум — не крик, что-то тише: треск кустов, сдавленное ругательство.

— Он побежал! — заорал возница, вскакивая с места.

Кейн обернулся. Тот, что говорил на дороге — крепкий, с короткой бородой — уже мчался к лесу, путы на запястьях, перетёртые о что-то острое, болтались разорванные. Бежал он быстро, отчаянно, по-звериному петляя между деревьями.

— Стоять! — крикнул Кейн, бросаясь следом, но было ясно, что не догонит — тот успел набрать слишком большую фору.

Рийя обогнала его за три секунды.

Она не побежала прямо за беглецом — рванула наискось, через подлесок, срезая угол с той кошачьей лёгкостью, с которой обычные люди не умеют двигаться в принципе. Кейн видел только мелькание между стволами — её, потом его, потом снова её, уже ближе.

Когда Кейн добежал до места, всё было кончено. Пленный лежал лицом в палой листве, с коленом Рийи между лопаток, и хрипел — не от боли, скорее от злости на самого себя.

— Далеко собрался? — спросила она, не повышая голоса, перехватывая ему руки заново и куда туже, чем было до этого.

Он не ответил. Только зло выдохнул носом, как загнанный зверь, и обмяк.

— Как он развязался? — спросил подоспевший Бром.

— Тёр путы об острый край котелка, пока возница отвернулся, — сказала Рийя, поднимая беглеца на ноги рывком, не самым нежным. — Я видела, как он ёрзал ещё днём. Думала, разомнётся и успокоится. Ошиблась.

— Не вини себя, — сказал Кейн.

— Я и не виню. — Она посмотрела на пленного в упор, и в её взгляде не было ни капли сочувствия. — Я злюсь, что он почти меня обманул. Это другое.

Они привели его обратно в лагерь, связали по-новому — на этот раз вязал лично Бром, и узлы получились такими, что побег больше не светил никому. Беглец сидел у костра, глядя в пламя с тем выражением человека, который понял: эта попытка была последней.

Но Кейн заметил кое-что ещё, пока вёл его обратно: тот не выглядел сломленным. Скорее — пересчитывающим варианты заново.

* * *

Северный гарнизон встретил их серыми каменными стенами и строевым гулом — где-то на плацу муштровали новобранцев, крики сержанта разносились далеко в холодном воздухе.

На воротах их ждали. Кейн узнал высокую фигуру раньше, чем разглядел лицо.

— Даррон? — Он не сумел скрыть удивления. — Откуда ты вообще здесь?

— О побеге доложили по гарнизонной цепочке ещё вчера, — сказал тот, отходя от стены. На нём была форма — настоящая, с нашивками разведотдела, не та гражданская одежда, в которой Кейн привык его видеть. — Военный конвой, попытка побега пленного — это не секрет, это рапорт, который идёт наверх по уставу. Мой командир получил его раньше, чем вы доехали.

— И ты решил, что стоит примчаться лично.

— Я решил, что если уже трижды горело и теперь ещё это — самое время оказаться рядом, а не ждать неделю, пока бумага доберётся до моего стола. — Даррон оглядел отряд, остановил взгляд на пленных в третьей телеге. — Эти?

— Трое. Один пытался сбежать вчера.

— Слышал. — Даррон чуть улыбнулся, без особой радости. — Кто поймал?

— Рийя, — сказал Кейн.

Даррон взглянул на неё с искренним уважением:

— Впечатляет.

— Не настолько, насколько хотелось бы, — ответила Рийя ровно. — Я бы предпочла, чтобы он вообще не пытался. Меньше мороки.

Даррон усмехнулся — коротко, искренне.

* * *

Он подошёл ближе к пленным, рассматривая их внимательно, методично — тем же взглядом, каким изучал место взрыва на заводе. Тот, что пытался бежать, посмотрел на него в ответ — и Кейн заметил, как на долю секунды в глазах пленного мелькнул расчёт. Не узнавание. Просто оценка новой фигуры.

— Этого — отдельно от остальных двоих, — сказал Даррон коменданту, кивнув на беглеца. — Он явно держится за главного. Разделить — первое правило, если хотите получить хоть слово раньше остальных.

Комендант — грузный человек с тяжёлым взглядом — кивнул страже.

— Камеры в восточном крыле. Дознаватель из столицы будет завтра к полудню.

— Хорошо, — сказал Даррон. — Тогда у нас есть вечер на подготовку вопросов.

* * *

Вечером собрались в тесной комнате при штабе — один стол, масляная лампа, больше копоти, чем света. Кейн, Даррон, Рийя. Бром остался с Элой проверять оставшийся груз — сам вызвался, сказав, что разговоры о допросах не его дело.

— Что у нас есть, — Даррон разложил на столе записку с дороги.

— Бумага дешёвая, — Рийя повертела клочок против света. — Таковую продают на любом рынке. Кто бы это ни написал, либо предельно осторожен, либо у него просто не было причин использовать что-то лучше.

— Или то и другое, — сказал Кейн.

— Или то и другое, — она чуть улыбнулась, отдавая бумагу обратно.

Даррон побарабанил пальцами по столу, думая.

— Тот, кто шёл за вами три часа прежде, чем напасть — терпеливый. Кто подделал документы вознице — методичный. Кто заранее знал маршрут — информированный. Это не уличная банда, ребята.

— Не профессиональные солдаты, — заметил Кейн. — Иначе бой пошёл бы иначе.

— Не солдаты, — согласился Даррон. — Но и не любители. Что-то среднее. Наёмники с подготовкой?

Рийя молчала, разглядывая бумагу снова. Потом подняла взгляд.

— Тот, что пытался сбежать сегодня. Он не паниковал, когда бежал. Он считал — куда, как далеко, успеет ли. Я видела такое раньше только у людей с военной выучкой.

— Думаешь, бывший военный? — спросил Кейн.

— Думаю, что завтра стоит спросить дознавателя именно об этом. — Она пожала плечами. — Если развяжет язык.

— Развяжет, — сказал Даррон с уверенностью человека, видевшего это не раз.

Кейн посмотрел на него. Даррон смотрел на тело без всякого выражения — спокойно, как смотрит человек, привыкший к неприятным фактам.

— Бывал на таких допросах?

— Несколько раз. По службе. — Даррон не отвёл взгляда. — Зрелище не из приятных, Кейн. Но иногда необходимое.

Кейн кивнул и не стал спрашивать дальше.

* * *

Кейн не мог уснуть.

Крутилось в голове: взгляд пленного на воротах, та доля секунды расчёта при виде Даррона. И ещё — то, как тот держался все три дня, даже после неудачного побега. Не сломлен. Пересчитывал варианты заново.

Около полуночи Кейн встал, накинул куртку и вышел во двор — просто пройти. Восточное крыло, где держали пленных, было видно с плаца — невысокое каменное здание с зарешеченными окнами, у дверей двое часовых.

Он постоял немного, глядя на тёмные окна. Потом вернулся в казарму и всё-таки уснул.

* * *

Утром его перевели в отдельную камеру — без окон, одна скамья, кандалы на стене. Решение коменданта: изолировать заранее, чтобы не успел сговориться с двумя другими.

Кейн узнал об этом за завтраком — обычная процедура. Но что-то в этой новости не давало покоя, хотя он не мог сказать, что именно.

Он понял только позже.

* * *

Крик раздался около девяти утра.

Не крик боли — крик тревоги, чей-то голос, зовущий стражу. Кейн бросил миску с кашей и побежал на звук — Даррон оказался рядом почти сразу, будто ждал поблизости.

В камере пленный лежал на полу — неподвижно, с пеной у рта, лицо уже посерело. Стражник у двери стоял бледный, не понимая, что произошло: дверь не открывали, никто не входил.

Кейн опустился рядом, проверил пульс — ничего. Тело было ещё тёплым, но жизни в нём уже не было.

— Что за чёрт... — выдохнул он, не веря.

— Яд, — сказал Даррон, присев с другой стороны. Он осторожно раздвинул мёртвому губы — в задних зубах виднелся выбитый осколок полового зуба, из которого ещё сочилась тёмная жидкость. — Капсула. Старый трюк, но надёжный. Раскусил сам.

— Он три дня держался! — Кейн поднялся, провёл рукой по лицу. — Бежать пытался! А теперь просто взял и... почему сейчас?

Даррон помолчал, оглядывая голые стены, кандалы, единственную дверь без окна.

— Потому что вчера у него была хоть какая-то надежда, — сказал он тихо. — Лес рядом, момент невнимательности охраны. Рийя его поймала — и вместе с этим у него исчез последний шанс. Здесь — камень, решётки, дознаватель уже едет. Выбраться живым он не сможет. — Даррон поднялся, отряхивая колени. — Значит, осталось одно: не дать себя разговорить.

Кейн смотрел на мёртвого. Думал о том, как тот считал шаги охраны вчера у ручья, как петлял между деревьями — отчаянно, до последнего веря, что получится. Надежда, которая держала его все эти дни и умерла здесь, в этих четырёх стенах, раньше, чем умер он сам.

— Это не наёмник, — сказал Кейн глухо.

— Нет. — Даррон смотрел на тело без всякого выражения. — Наёмник продаёт услугу, не жизнь. Этого учили молчать любой ценой. Кто-то вложил в него такую готовность задолго до сегодняшнего дня.

* * *

Рийя пришла, когда тело уже выносили. Встала в дверях, посмотрела на пустую камеру.

— Капсула, — коротко сказал ей Кейн.

Она вздрогнула — едва заметно, но Кейн заметил.

— Если бы я не поймала его вчера... — начала она.

— Тогда он сбежал бы и был бы жив, — сказал Кейн. — Это не твоя вина, Рийя.

— Я не об этом, — она резко мотнула головой, будто отгоняя мысль. — Я о том, что у него была капсула всё это время. Все три дня. Мы его обыскивали — и пропустили это.

— Зубы не обыскивают, — заметил Даррон от двери. — Упущение охраны на тракте, но обычное дело — рот не проверяют, если пленный не ранен в лицо.

Рийя выпрямилась, посмотрела на обоих по очереди.

— Двое других видели, что его увели отдельно. Если он успел подать знак до того, как его забрали...

— Усильте охрану у оставшихся, — быстро сказал Кейн коменданту, вошедшему в дверь. — Немедленно.

Комендант кивнул, отдал приказ, и в коридоре сразу загремели шаги стражи.

* * *

Оставшихся двух допросили в тот же день — порознь, под усиленной охраной. Ничего не добились: молчали так же стойко, хотя капсул у них при тщательном осмотре не нашли — оказалось, она была только у того, кто, видимо, был старшим в тройке.

Вечером Кейн, Даррон и Рийя снова сидели в той же тесной комнате при штабе. На столе теперь лежали два предмета: записка с дороги и зарисовка капсулы, которую успела сделать Эла, прежде чем тело унесли.

— Подготовка, дисциплина, готовность умереть, лишь бы не заговорить, — сказал Даррон, разглядывая зарисовку. — Это не банда, Кейн. Это организация.

— С деньгами на снаряжение, — добавила Рийя. — Такие капсулы недёшевы. Я видела похожие только у наёмных убийц высшего разряда.

Кейн молчал, глядя на огонь лампы. Потом сказал, не поднимая взгляда:

— Три пожара. Нападение на обоз. Теперь это. Кто-то выстраивает что-то большое. И у него хватает ресурсов делать это незаметно полгода.

— Полгода — это только то, что мы знаем, — тихо сказал Даррон. — Может быть и дольше.

Никто не возразил.

За окном гарнизон жил вечерней жизнью — перекличка караула, далёкий стук молота в кузнице, гул голосов из казармы. Обычный военный быт, который теперь казался Кейну тоныше и хрупче, чем неделю назад.

— Завтра возвращаемся в Каррем, — сказал он. — С докладом для штаба.

— Я поеду с вами, — сказал Даррон сразу, будто давно решил. — Думаю, моему командиру будет что обсудить с вашим.

Рийя посмотрела на него — долгим, изучающим взглядом. Не подозрение, пока нет. Просто внимание.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Чем больше глаз, тем лучше.

Глава пятая

«Пепел»

Каррем встретил их дождём — мелким, нудным, тем самым, который идёт не переставая по три дня и превращает брусчатку в одну сплошную лужу.

Кейн ехал последним, кутаясь в куртку, и думал, что после трёх дней в седле, мёртвого пленного и разговоров об организации, которая жжёт заводы и охотится на военные обозы, дождь — это даже логично. Город будто подстраивался под настроение.

Штаб Королевской службы охраны располагался в самом центре, в старом каменном здании с башней, на которой постоянно горел сигнальный огонь — синий, кристальный, видный из любой точки квартала. Кейн въехал во двор первым, спешился, бросил поводья конюху и пошёл докладывать, оставив остальных разбираться с лошадьми и грузом.

В коридоре перед кабинетом начальника он столкнулся с человеком, которого видел впервые.

* * *

Это был мужчина лет тридцати восьми, среднего роста, крепкого сложения, с короткой седеющей бородой и взглядом, который сразу считывал собеседника с ног до головы — не грубо, а профессионально, как опытный игрок оценивает противника за карточным столом. Форма на нём была капитанская, поношенная, но безупречно опрятная.

— Ты, должно быть, Моррис, — сказал он, останавливаясь. — Тот, что с северного обоза.

— Так точно. — Кейн вытянулся машинально — что-то в этом человеке требовало уважения само по себе, без объяснений. — А вы...

— Капитан Серт. Майкл Серт. — Тот протянул руку, и рукопожатие оказалось крепким, без лишнего демонстративного нажима. — Я веду расследование по линии диверсий — заводы, склады, теперь вот ваш конвой. Начальник передал мне твой рапорт ещё вчера вечером, я успел прочитать дважды.

— И что скажете?

— Скажу, что ты пишешь рапорты лучше, чем половина моих сержантов с пятнадцатилетним стажем. — Серт чуть прищурился, без улыбки, но и без холода — просто оценивающе. — И скажу, что мне нужно поговорить с тобой и твоим отрядом подробно. Прямо сейчас, если не возражаешь.

— Не возражаю.

— Хорошо. — Серт развернулся к двери кабинета. — Тогда заходи. И зови остальных, как закончат с лошадьми. Чем больше голов, тем меньше шансов упустить деталь.

* * *

Кабинет Серта оказался завален бумагами — не в беспорядке, а в той организованной тесноте, которая выдаёт человека, давно перегруженного работой, но не теряющего контроль над ней. На стене висела карта Каррема и окрестностей, утыканная цветными булавками — Кейн насчитал не меньше дюжины.

— Садись, — Серт махнул на стул напротив стола, сам опустился в своё кресло, которое жалобно скрипнуло. — Расскажи мне про обоз своими словами. Не рапортом — просто расскажи, что видел, что почувствовал, что показалось странным, даже если это мелочь.

Кейн рассказал — про слежку, которую заметила Рийя, про нападение, про записку с одним словом, про побег и капсулу в зубе. Серт слушал внимательно, не перебивая, изредка делая короткие пометки на листе перед собой.

Когда Кейн закончил, Серт долго молчал, глядя на карту.

— Знаешь, что меня беспокоит больше всего во всей этой истории? — сказал он наконец.

— Что?

— Не то, что они жгут заводы. Заводы горели и раньше — несчастные случаи, халтура, иногда злой умысел отдельных идиотов с топором на хозяина. Не то, что напали на обоз — на дорогах всякое бывает. — Серт постучал пальцем по столу. — Меня беспокоит капсула в зубе. Это значит, что у них есть люди, готовые умереть, лишь бы не выдать организацию. Это не уровень обычной банды, Моррис. Это уровень идеи.

В этот момент дверь без стука открылась, и в кабинет вошёл Даррон — следом за ним Рийя, Бром и Эла, все ещё в дорожной одежде, мокрые от дождя.

— Капитан Серт, — сказал Даррон, кивая. — Разведотдел уже доложил вам о нашем участии?

— Докладил. — Серт смерил его взглядом — таким же оценивающим, как и Кейна минутой раньше, но чуть дольше. — Эш, верно? Слышал о тебе. Хорошие отзывы.

— Стараюсь соответствовать.

Серт кивнул, без особого выражения, и обратился ко всем сразу:

— Садитесь, у кого есть куда. Разговор будет долгим.

* * *

Они расселись, кто на стулья, кто на край стола, кто прямо на подоконник — Рийя выбрала именно его, поджав ноги, как делала всегда, когда хотела видеть всю комнату сразу.

— Хорошо, — сказал Серт, оглядывая всех по очереди. — Раз вы все здесь, скажу прямо, без экивоков. Последние полгода я собираю информацию о серии происшествий, которые, на первый взгляд, никак не связаны между собой. Три пожара на заводах. Два ограбления складов с военным снаряжением, которые официально прошли как обычный криминал. Теперь — нападение на конвой с целью задержать его, не ограбить. И вот это.

Он достал из ящика стола небольшой конверт, вытряхнул на ладонь что-то маленькое и положил на стол перед собой.

Это была монета — не местная, тёмного металла, с оттиснутым изображением, в котором Кейн не сразу разобрал смысл: что-то вроде языка пламени, сворачивающегося в кольцо.

— Где вы это нашли? — спросила Рийя, наклоняясь ближе.

— На теле одного из диверсантов с первого пожара — того, на заводе в восточном квартале, ещё до Тёрнера. Тогда никто не придавал значения. Списали на случайную безделушку. — Серт повертел монету в пальцах. — Потом нашли вторую — у человека, задержанного при попытке поджечь склад месяц назад. Тот тоже умер раньше, чем заговорил. Не капсула — просто перестало биться сердце во сне, в камере, без видимых причин. Яд, который не оставляет следов, если не знать, что искать.

Эла подалась вперёд, разглядывая монету с профессиональным интересом.

— Можно?

Серт протянул ей монету. Эла повертела её, поднесла к свету лампы.

— Металл нестандартный. Похож на сплав, который используют в зачарованных предметах — для устойчивости к огню, возможно. — Она нахмурилась. — Это не просто символ. Это, кажется, амулет.

— Возможно, — согласился Серт. — Мои люди в архиве откопали упоминание этого символа в старых документах — донесениях полувековой давности о тайных обществах, которые потом исчезли или ушли в подполье. Один документ, написанный от руки неизвестным агентом, называл организацию, использовавшую похожий знак, одним словом.

Он сделал паузу — не театральную, просто такую, какая бывает у человека, который сам не до конца верит в то, что собирается произнести вслух.

— «Пепел».

Тишина в кабинете стала плотнее. За окном дождь усилился, забарабанил по стеклу чаще.

— Пепел, — повторил Кейн медленно, пробуя слово на вкус. — От чего пепел? После чего?

— Не знаю, — честно сказал Серт. — Может, метафора: то, что остаётся после того, как сжигают старое. Может, что-то конкретнее, чего я пока не понимаю. Документу полвека, автор давно мёртв, продолжения в архиве нет.

— Удобное имя для тех, кто жжёт заводы, — тихо заметил Бром.

— Слишком удобное, — сказала Рийя. — Если это правда то же общество спустя пятьдесят лет, у них долгая память и долгое терпение. Если это просто совпадающее имя — тоже неприятно: значит, кто-то нарочно взял на себя символику давно забытой угрозы.

Даррон молчал, разглядывая монету в руках Элы — внимательно, чуть прищурившись, как будто пытался что-то вспомнить.

— Даррон? — окликнул его Кейн.

— Ничего, — Даррон моргнул, будто очнулся. — Просто думаю, что если это организация с полувековой историей, у неё должны быть глубокие корни. Связи. Люди на разных уровнях — не только исполнители с капсулами в зубах, но и кто-то наверху, кто этим управляет.

— Именно поэтому, — сказал Серт, забирая монету обратно у Элы, — я прошу командование официально прикомандировать ваш отряд к моему расследованию. Полным составом. Включая разведотдел, — он кивнул на Даррона. — У меня людей не хватает, а вы уже показали, что умеете замечать то, что другие пропускают.

Кейн посмотрел на остальных. Бром кивнул коротко, по-деловому. Эла закивала с таким энтузиазмом, что чуть не свалилась со стула. Рийя просто наблюдала, не выражая ничего конкретного — это означало согласие, Кейн уже знал. Даррон смотрел на Серта прямо.

— Я поговорю со своим командиром, — сказал Даррон. — Но не вижу причин для отказа.

— Хорошо, — Серт убрал монету обратно в конверт. — Тогда с завтрашнего дня вы все официально работаете под моим началом по делу «Пепла». Отдыхайте сегодня — путь был долгим, я же вижу. Завтра с утра жду всех здесь, начнём с архивов.

* * *

Они вышли из штаба в дождь, который так и не прекратился. Под навесом у входа остановились — никому не хотелось сразу разбежаться по домам после такого разговора.

— Пепел, — повторила Эла, поёжившись то ли от холода, то ли от самого слова. — Звучит как название для чего-то, что уже случилось. Не для того, что планируется.

— Может, и то и другое, — сказал Бром. — Сначала что-то сожгли. Теперь жгут снова.

— Утешительно, — буркнула Рийя, поднимая воротник.

Кейн смотрел на дождь, стекающий с навеса плотными нитями. Думал о монете, о слове, о человеке по имени Серт, который полгода в одиночку собирал то, что для всех остальных выглядело разрозненными случайностями.

— Он неплохой, — сказал Даррон рядом, будто прочитав его мысли. — Серт. Дотошный. Из тех, кто не бросает дело, даже когда начальство теряет интерес.

— Откуда знаешь?

— Репутация бежит быстрее людей. — Даррон взглянул на него искоса. — Будет полезно иметь его на нашей стороне.

Кейн кивнул, не до конца уверенный, что именно зацепило его в этой фразе — может, просто усталость после трёх дней в седле, может, что-то ещё, чему он пока не мог подобрать слова.

— Идём, — сказал он вслух. — Завтра рано вставать.

Они разошлись в разные стороны под дождём, который, кажется, был не намерен заканчиваться в ближайшее время.

Глава шестая

Блокнот

Следующие два месяца слились в череду рассветов, на которые Кейн вставал с ощущением, что вчера ещё не закончилось.

Они допрашивали свидетелей, проверяли склады, читали архивные дела полувековой давности, написанные почерком, который Эла научилась разбирать быстрее остальных. Они находили нити — и нити обрывались. Они ловили мелких исполнителей — и исполнители молчали, или умирали раньше, чем успевали заговорить, или оказывались просто наёмниками, нанятыми через третьи руки и не знавшими ничего полезного.

«Пепел» оставался тенью. Кейн начал так его про себя называть — не организацией, не врагом, а тенью, потому что тень не поймать, как ни старайся, она просто движется вместе с источником света и исчезает, стоит подойти ближе.

Но за эти два месяца отряд успел стать чем-то большим, чем просто группой людей, которых свело начальство.

* * *

Три недели спустя

— Не трогай! — рявкнула Эла так резко, что Кейн отдернул руку от склянки на столе, будто она была раскалённой.

— Я просто хотел посмотреть.

— Смотреть можно глазами. Руками — нельзя, это нестабильный реагент, и если ты его уронишь, мы вместе с этим столом и половиной архива окажемся на улице через окно. — Она забрала склянку, прижала к себе почти материнским жестом. — Серьёзно, Кейн, я думала, ты умнее.

— Прости. — Он поднял руки. — Я не знал.

— Теперь знаешь. — Эла смягчилась почти мгновенно, как делала всегда — вспышка и тут же отходняк. — Это для анализа той дряни, что мы нашли на складе в порту. Если получится правильно — узнаем состав зажигательной смеси, а это уже что-то.

Бром, сидевший в углу с грудой старых документов, не поднимая головы, заметил:

— Если бы Кейн взорвал архив, я бы первый сказал, что он заслужил. Сидим тут третий день, читаем донесения полувековой давности про каких-то контрабандистов, у которых, кажется, вообще ничего общего с нашим делом.

— Не ничего, — возразила Рийя, не отрываясь от своей стопки бумаг. — Вот, смотрите. — Она подняла лист. — «Группа, использующая символику пламени в круге, действовала в портовых кварталах в течение двух лет, прежде чем была разогнана силами короны». Это та же эмблема, что на монете Серга.

Все притихли.

— Дата? — спросил Кейн.

— Сорок семь лет назад.

— Значит, не выдумка, — тихо сказал Бром. — Значит, действительно были раньше. И их «разогнали», но не уничтожили до конца.

— Или уничтожили, а кто-то новый просто взял старое имя, — сказала Эла, не отрываясь от своей склянки. — Так тоже бывает. Громкое имя живёт дольше, чем люди, которые его придумали.

Рийя посмотрела на неё с лёгким удивлением:

— Откуда в тебе столько цинизма, Эла?

— Я не циничная, я наблюдательная, — фыркнула та, не поднимая взгляда от работы. — Это разные вещи.

* * *

Ещё через две недели

Склад горел всю ночь, и когда они наконец прорвались внутрь сквозь дым, нашли троих связанных рабочих в подсобке — живых, перепуганных, но живых.

— Вовремя, — выдохнул Кейн, разрезая верёвки на запястьях ближайшего.

— Вовремя — это если бы мы пришли до того, как они начали поджигать, — буркнула Рийя, перерезая путы второго пленника с куда меньшей нежностью, чем требовалось бы. — А мы успели только их связать спасти. Поджигателей опять упустили.

— Зато спасли троих, — сказал Бром, выходя из дыма с четвёртым рабочим на плече — тот был без сознания, но дышал. — Это не ничего, Рийя.

— Я не говорю, что ничего. — Она помогла подняться развязанному, проверила его взглядом на предмет серьёзных травм. — Я говорю, что мы снова опоздали на главное.

Снаружи, у телег скорой помощи, Эла металась между пострадавшими с сумкой через плечо, раздавая указания фельдшерам с уверенностью, которая совершенно не вязалась с её юным лицом.

— Этому — бинты на руки, ожог второй степени, не страшно. Этому — нашатырь, надышался дымом сильнее остальных. И принесите воды, всем, сейчас же!

Кейн стоял в стороне, наблюдая, как она командует взрослыми мужчинами вдвое старше себя, и они слушаются беспрекословно.

— Она хороша, — сказал подошедший Даррон, тоже наблюдая за сценой. Он появился к шапочному разбору, как всегда в последнее время — то ли действительно был занят на своих заданиях, то ли что-то задерживало его именно к развязке.

— Она впечатляет каждый раз заново, — согласился Кейн.

— Жалко, что снова не поймали поджигателей.

— Жалко, — Кейн потёр лицо ладонью, чувствуя, как усталость наваливается разом, едва дело сделано. — Сколько уже? Пятый склад за эти месяцы?

— Шестой, если считать тот, что был до твоего обоза, — тихо поправил Даррон. — Они методичны, Кейн. Они знают, что мы реагируем, и подстраивают тактику. Заходят, делают своё, уходят раньше, чем подоспеет помощь. Мы спасаем людей. Но самих их не ловим.

— Так и будет продолжаться?

Даррон посмотрел на горящий склад, на оранжевые отсветы на мокрой от пожарных шлангов брусчатке.

— Будет, пока мы не найдём кого-то, кто знает больше, чем рядовой исполнитель. — Он помолчал. — Рано или поздно они ошибутся. Все ошибаются.

Кейн хотел спросить, откуда такая уверенность, но промолчал — слишком устал, чтобы искать в словах друга что-то, кроме поддержки.

* * *

Ещё через две недели

— Я не понимаю, как ты вообще можешь это есть, — сказала Рийя, глядя с нескрываемым отвращением, как Бром поглощает что-то, отдалённо напоминающее рагу из общей столовой штаба.

— Я ем то, что дают, — невозмутимо ответил Бром, не отрываясь от ложки. — В армии быстро отучаешься быть привередливым.

— Это не рагу. Это оскорбление рагу.

— Зато горячее.

— Холодная вода тоже не отравлена, это не делает её деликатесом.

Кейн усмехнулся, наблюдая за их перепалкой — за последние недели она стала почти ритуальной, происходила за каждым общим обедом и никогда не перерастала во что-то серьёзное, просто была способом скоротать время между бесконечными допросами и тупиками.

— Кейн, скажи ей, — попросил Бром, не поднимая взгляда. — Скажи, что еда есть еда.

— Еда есть еда, — послушно повторил Кейн.

— Предатель, — беззлобно бросила Рийя, но в уголках её рта пряталась улыбка.

Эла за соседним столом что-то яростно строчила в блокноте, не притрагиваясь к собственной тарелке.

— Эла, ты вообще ешь? — спросил Кейн.

— Что? А, да, сейчас. — Она машинально подвинула тарелку ближе, не отрываясь от записей. — Просто я почти разобралась с составом той зажигательной смеси. Там есть компонент, которого я не узнаю, что-то магически усиленное, а не просто химия. Если найду источник...

— Поешь сначала, — мягко перебил Бром. — Потом источник.

Она подняла на него взгляд, будто только сейчас вспомнила о его существовании, потом о существовании еды, и неохотно взяла ложку.

— Ладно. Но я после обеда сразу обратно в лабораторию.

— Конечно, — сказал Кейн. — Куда же без этого.

Он откинулся на спинку стула, оглядывая стол — Бром со своим неприхотливым рагу, Рийя, демонстративно морщащаяся, Эла, уже снова забывшая про еду ради записей. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль, что он привык к этому. Что эти лица, эти голоса, эти препирательства стали частью его дней так же естественно, как запах угля над городом.

Привычка, которая грела, а не раздражала. Он не помнил, когда в последний раз чувствовал что-то подобное.

* * *

Ещё через две недели

Их вызвали ночью — гонец прибежал в казарму с приказом немедленно явиться в штаб, и Кейн, ещё толком не проснувшись, попытался на ходу застегнуть куртку, пока шёл по тёмным улицам вместе с остальными.

В кабинете Серта горела лампа, и сам капитан выглядел так, будто не спал уже сутки — что, скорее всего, было правдой.

— Засада, — сказал он без предисловий, едва они вошли. — Мои осведомители в порту засекли встречу. Двое неизвестных, передача груза, время и место. Сегодня, через два часа, склад номер четыре у южного причала.

— Думаете, это «Пепел»? — спросил Кейн, всё ещё пытаясь проснуться окончательно.

— Думаю, что не могу позволить себе этого не проверить, — отрезал Серт. — Берите снаряжение. Выходим через двадцать минут.

Эла уже копалась в своей сумке, проверяя запасы. Бром деловито проверял оружие. Рийя стояла у окна, глядя в темноту с тем напряжённым вниманием, которое появлялось у неё перед каждым настоящим делом.

— Даррона предупредили? — спросил Кейн.

— Я отправил гонца в разведотдел, как только узнал, — сказал Серт. — Будет ждать нас прямо там, у причала, если успеет.

Засада оказалась пустой.

Они пришли вовремя, заняли позиции, ждали — и не дождались ничего, кроме портовых крыс и одного перепуганного бродяги, который спал в углу склада и чуть не умер от страха, когда на него вышла Рийя с ножом наготове.

— Кто-то предупредил их, — сказала она потом, уже на обратном пути, в сером пред-рассветном свете. Голос у неё был ровный, но Кейн слышал в нём напряжение, плотно сжатое внутри.

— Или информация была ложной с самого начала, — сказал Серт мрачно, идя впереди. — Я найду этого осведомителя и разберусь, что произошло.

— А если не ложной? — тихо спросила Рийя, ни к кому конкретно не обращаясь. Кейн посмотрел на неё.

— Что ты имеешь в виду?

Она не ответила сразу. Шла молча ещё несколько шагов, глядя себе под ноги.

— Ничего, — сказала наконец. — Просто устала. Прости.

Но Кейн запомнил этот момент — не потому что в нём было что-то особенное, а потому что Рийя редко говорила «прости» просто так, без причины. Обычно за этим стояло что-то, чем она ещё не была готова поделиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.